

ПРАВОВОЕ ОБЩЕНИЕ И ПРАВОСУДИЕ В КОНТЕКСТЕ ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ

© 2011 г. Надежда Николаевна Ефремова¹

Краткая аннотация: правовое общение – категория юриспруденции как элемент и параметр правовой культуры. Одна из форм юстиции базируется на принципах формального равенства, свободы и действительного участия в резольютивных диспутах или конфликтах субъектов.

Annotation: legal dialogue – a category of jurisprudence, an element and a parameter of legal culture. One of its forms is the justice based on principles of a formal equality, freedom and validity participating in the resolution of disputes or conflicts of subjects.

Ключевые слова: правовое общение, правосудие, правопонимание, правовая культура, судопроизводство, судоустройство, субъект права, судебная власть, суд, *homo juridicus*.

Key words: legal dialogue, justice, legal culture, legal proceedings, the subject of the right, judicial authority, court.

Современный период в развитии отечественной юриспруденции отражает отказ от прежних узкопозитивистских догматических установок при анализе юридически значимых явлений и категорий. Сложившийся плюрализм в правопонимании усилил интерес к социокультурному контексту, в рамках которого пребывают и могут быть рассмотрены правовые феномены, что, в свою очередь, определило необходимость привлечения знаний других социальных и гуманитарных наук и проведения междисциплинарных исследований. Их объектами выступают как ставшие уже традиционными, широко используемые, так и новые либо малоизвестные юридические институты, конструкции и т.п. К последним, в частности, относится и правовое общение – понятие, которое редко использовалось в юридической литературе прошлого и настоящего (Б.Н. Чичерин, В.С. Нерсисянц и др.)

Актуальность и малую исследованность правового общения отмечает и проф. Л.С. Мамут в своем очерке, посвященном данному феномену: “Трудно в это поверить, но до сего дня в отечественной науке о праве фактически не было сколько-нибудь заметных монографических исследований о правовом общении. Явный пробел!”²

Интерес к теме правового общения обусловлен и поисками путей преодоления правового нигилизма, характерного для российского общества. Правовое общение – антипод силового взаимо-

действия, основанного на произволе участвующих в нем субъектов. Правовое общение – несомненно, свойство и одна из форм проявления правовой культуры, повышение уровня которой – безусловная и настоятельная потребность сегодняшних дней.

В отличие от правового общения, правосудие – категория традиционная, в определенной мере доктринально разработанная, но в соотношении с первой в литературе до сих пор не представлена. Вместе с тем очевидно, что надлежащее организованное и осуществленное правосудие иллюстрирует одну из возможных форм (или видов) правового общения заинтересованных в восстановлении или защите нарушенных прав субъектов. Правосудие, как и правовое общение, – явления эпохи цивилизации, отсутствовавшие в эпоху дикости. Однако тысячелетия их сосуществования в различных вариациях не позволяют в рамках журнальной статьи рассмотреть эту проблему всесторонне и в полном объеме, поэтому автор ставит задачу обозначить свой подход к ней и остановиться на некоторых вопросах теории и истории этих правовых явлений, охарактеризовав прежде всего российскую модель их соотношения³.

Полагаем, что правосудие есть одна из форм правового общения, осуществляемого с целью разрешения спора или урегулирования конфликта сторон процесса. Прежде чем перейти к анализу

¹ Ведущий научный сотрудник Института государства и права РАН, кандидат юридических наук, профессор. (E-mail: igpran@igpran.ru).

² Мамут Л.С. Правовое общение. Очерк теории. М., 2011.

³ Необходимо отметить то, что данная тема разрабатывается автором в связи с проводимым в секторе истории государства, права и политических учений коллективным исследованием.

этой формы, необходимо уточнить доктринальное и авторское понимание этих юридических категорий в теоретическом плане в целом и в их конкретно-исторических моделях, в частности.

Правовое общение в судебной форме охраны, защиты или восстановления нарушенных прав выступает в качестве разновидности правового общения как родового понятия, в свою очередь, являющегося одним из видов (в то же время форм) социального общения. Общеизвестно, что виду присущи черты, свойства рода, но и свои особенные. Чтобы определить частное, важно понять целое. В социологической доктрине приводится определение категории “общение”: “Общение – процесс взаимодействия и взаимосвязи социальных субъектов, обмен деятельностью, информацией, опытом, результатами деятельности; установление и развитие контактов между людьми, порождаемое потребностями совместной деятельности; информационный механизм взаимодействия социальных субъектов”⁴. С учетом вышесказанного можно предположить, что правовое общение это общение субъектов социума, основанное на правовых началах по содержанию и в правовой форме. Понятие правового общения раскрывает и проф. В.Г. Графский: “Правовое общение в отличие от лично-властных отношений являет собой пример справедливых индивидуальных и групповых взаимоотношений, которые обеспечены определенными гарантиями – соглашением относительно способов и процедур урегулирования возникающих споров, уважением к установившимся традициям и правам, другими элементами сложившийся культуры”⁵.

По мнению Л.С. Мамута, правовое общение характеризуется следующими чертами: 1) “это ролевое (социетальное) и.... полезное взаимодействие участвующих в общении людей”; 2) оно реализуется посредством “обмена”; 3) его субъекты “обмениваются принадлежащими им равнодостоинными ролями, получая взамен посредством этих актов благо, потребное каждому из контрагентов – участников общения”⁶.

Л.С. Мамут справедливо определяет участников правового общения как *homo juridicus*⁷. *Homo juridicus* – это свободный, формально равный любому другому участнику правового общения, строящий свое взаимодействие с ним

на началах справедливости индивид. Участником правового общения может быть и организованный коллектив таких индивидов.

Субъектом такого общения может выступать как отдельный человек (индивид), так и группа людей (коллективный субъект, общество в целом или государство через своих представителей). По Л. Фейербаху, замечает В.С. Карпичев, “отдельный человек как нечто обособленное не включает человеческой сущности в себе ни как в существе моральном, ни как в мыслящем, человеческая сущность налицо только в О. (общении. – Н.Е.), в единстве человека с человеком...”⁸.

В общении участников судебного процесса, таким образом, проявляется, в частности, сущность индивидов (или групп), взаимодействие которых приводит к результату соответствующего типа (правовому или неправовому), что в конечном счете определяет и форму, и содержание судебного процесса как правовых, либо неправовых. Человеческая сущность субъекта судебного процесса детерминирована как его правосознанием, так и другими социально-ценностными ориентирами: морально-нравственными, духовно-религиозными, этическими, в известной мере второстепенными для правовой формы общения. Вместе с тем, его роль в процессе обуславливается и целым рядом других факторов: мотивами, интересами, потребностями и т.п. Взаимодействие участников судебного процесса в целом определяется и рядом объективных факторов: нормативно-правовой его основой, организационно-распорядительными актами, уровнем правовой и корпоративной культуры, системой духовно-нравственных ценностей, принятой в обществе, социально-экономическими и политико-идеологическими условиями, в рамках которых функционирует суд.

И субъективные, и объективные факторы содержательно различаются во времени и пространстве. Каждой исторической эпохе, типу цивилизации свойственны свои социальные институты, к каковым относится и суд. Соответственно, правовое общение участников судебного процесса исторически развивается, изменяется по форме, но с тем, чтобы оставаться правовым. Оно должно осуществляться на базовых, фундаментальных основах права: формальном равенстве, свободе и справедливости. Анализ некоторых исторических моделей организации правосудия как формы правового общения и посвящен настоящему труду.

⁴ Карпичев В.С. Организация и самоорганизация социальных систем. Словарь. М., 2009. С. 105.

⁵ Графский В.Г. Всеобщая история права и государства. Учебник для вузов. Изд. 2-е. М., 2005. С. XII. (Предисловие).

⁶ Мамут Л.С. Указ. соч. С. 15, 16.

⁷ См.: там же. С. 16.

⁸ Карпичев В.С. Указ. соч. С. 105.

Что касается определения правосудия, то современная научная и учебная литература содержит немало версий.

Так, например, авторы учебника “Правоохранительные органы” определяют правосудие как функцию правоохранительной деятельности, “которая имеет прямое отношение к защите, восстановлению, обеспечению реализации, осуществлению наиболее значительных прав и законных интересов человека и гражданина, государственных организаций, должностных лиц”⁹. Говоря о правосудии, не следует, как справедливо отмечают названные авторы, отождествлять его с судебной властью, поскольку оно является хотя и важным проявлением судебной власти, но не единственным. Правосудие есть одно из полномочий, составляющих содержание судебной власти, причем доминирующее¹⁰.

Осуществлять это полномочие может, а при надлежащей организации и единственно должен суд (в предшествующие исторические эпохи и в обществах, сохраняющих традиционную организацию, судебные функции осуществлялись и теперь осуществляются, соответственно, административными либо квази-судебными органами, либо традиционными родовыми и племенными вождями и старейшинами, авторитетными соплеменниками).

Таким образом, правосудие является одним из направлений государственной (или догосударственной) публичной деятельности, относящихся к числу полномочий, составляющих содержание судебной власти, особым видом правоохранительной и правовосстановительной деятельности, а следовательно, по определению должно быть организовано и по форме, и по содержанию на началах права, в первую очередь на таких началах, как формальное равенство, признание равного масштаба свободы для всех субъектов и справедливости. Понятно, что такого уровня зрелости правосудие прошедших эпох не могло достичь, да и для современности характерно отличие реального его состояния от формального, однако совершенствование, прогресс его модели налицо. Вместе с тем и историческим этапам его модернизации были свойственны цели и результаты по достижению таких начал, как “человеколюбие”, “почтение к особе ближнего, яко человеку”, “отвращение от угнетения или притеснения человечества”, “неотягощение

ничьей судьбы”, “осторожное” и “милосердное” “окончание дел” и т.д., выраженных, в частности, в законодательстве Екатерины II – монархини-просветительницы¹¹. К слову сказать, эпоха Просвещения была заметной вехой в модернизации и прогрессивном развитии организации правосудия в силу влияния либеральных и гуманистических идей, характерных для того времени.

Помимо вышеотмеченного правосудию принадлежит и решающее слово в признании конкретного лица виновным в совершении правонарушения, назначении ему меры наказания или иного воздействия, при определении юридических последствий по спорам и др. Следовательно, сущность правосудия, как верно отмечают исследователи, а также его роль и значение “проявляются не только и не столько в том, что оно, будучи ведущим и весьма ответственным направлением (функцией) правоохранительной деятельности, венчается принятием общеобязательных решений по кардинальным вопросам”¹².

Правосудию как виду государственной деятельности присущи следующие признаки: 1) оно осуществляется конкретным способом и в процессуальной форме (рассмотрения и разрешения в судебных заседаниях гражданских дел, рассмотрения в судебных заседаниях и применения установленных законом мер наказания к лицам, виновным в совершении преступления, либо оправдания невиновных, а также рассмотрения дел об административных правонарушениях, отнесенных к ведению судебных органов); 2) оно осуществляется с соблюдением особого порядка, или процедуры; 3) осуществляется особым органом – судом (либо, как было отмечено выше, в прежние исторические эпохи и в религиозных и традиционных правовых системах иными органами и лицами, уполномоченными на то легитимной публичной властью).

С учетом этих признаков современное правосудие можно определить как осуществляемую судом правоохранительную деятельность по рассмотрению и разрешению гражданских, уголовных и подведомственных судам административных дел при соблюдении установленных законом принципов законности, обоснованности, справедливости и общеобязательности судебных решений – разумеется, при признании свободы и равенства сторон спора или конфликта.

⁹ Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Правоохранительные органы. Учебник для студентов юридических вузов и факультетов. М., 2010. С. 9.

¹⁰ См.: там же. С. 49, 50.

¹¹ См. об этом: Учреждения для управления губерний 1775 г. Гл. XXVI. Ст. 397 // Росс. законодательство X–XX веков. В 9-ти т. Т. 5. М., 1987. С. 275.

¹² Гуценко К.Ф., Ковалев М.А. Указ. соч. С. 70.

Теоретическому анализу понятия правосудия уделяется внимание и в фундаментальных трудах процессуалистов¹³. В частности, они отмечают, и вполне справедливо, что “теория правосудия и судопроизводства немыслима без истории, поскольку необходимо установить смысл судостроительных и судопроизводственных институтов сообразно первоначальному назначению, сверить их с современными реалиями”¹⁴.

Говоря о генезисе правосудия и его исторической эволюции, следует отметить, что оно появляется в догосударственный период как средство разрешения конфликтов и споров, основанное на началах признания равенства свободных индивидов – сторон (участников) и справедливости решения. Позднее, в ходе эволюции социально-политической организации и оформления неравенства статусов социальных групп и лиц, изменяются и принципы организации судебной деятельности. Эволюция правосудия в общем отражает эволюцию права, по определению являющегося его основой. В ретроспективе степень развитости правосудия соответствовала уровню развитости права, достигаемому в конкретную социально-историческую эпоху. Опираясь на типологию права и государства, сформулированную в рамках либертарно-юридической концепции акад. РАН В.С. Нерсесянца, можно сказать, что и типы правосудия являли собой “исторически сменяющие друг друга формы и ступени роста в развитии человеческой свободы от древности до современности”¹⁵.

Надлежащей организации правосудия соответствуют принципы независимости суда и несменяемости судей, независимости судей и подчинения их только правовому закону либо иному формально-правовому источнику, легитимно установленному (например, прецеденту, доктрине, правовому обычаю и т.д., в иных правовых семьях действующих).

Вместе с тем надлежащая организация правосудия означает прежде всего необходимость надлежащего судостроительства и судопроизводства, но достижение цели правосудия – справедливого решения дела требует и надлежащих материальных норм права, на основании которых будет вынесено решение, а именно: базирующихся на

принципах формального равенства свободных субъектов и справедливости. В отсутствие названных условий судебную деятельность правосудной в полном смысле слова назвать будет нельзя.

Однако реальное, надлежащим образом организованное правосудие несомненно выступает средством, формой и видом правового общения.

Являясь частью культуры, право в целом и правосудие как одна из форм его бытия, в частности, в своем развитии повторяли и отражали стадии культурных преобразований, воплощая соответствующие времени и пространству типичные черты и особенности. При этом право в большей мере выступает универсальным регулятором общественных отношений, а правосудие призвано охранять правовую форму и содержание последних. И то, и другое явления детерминированы существующими в конкретно-исторический период социально-политической организации материальными и духовными условиями, представляя собой и по форме, и по содержанию развивающиеся (по преимуществу поступательно-прогрессивно) феномены.

Путь их развития, как показывает история – не прям, но извилист, однако приближение к идеальной модели неизменно выступает в качестве официальной цели реформ. Наряду с эволюционным характером развития этим явлениям известен и революционный, далеко не всегда завершающийся победой прогрессивных начал. Тем не менее, так называемые общепризнанные ценности права и правосудия остаются неизменными, хотя и воплощаются в фактически различных нормах и отношениях, бытовавших и бытующих у разных народов, обществ и государств. В цивилизационном плане можно говорить о моделях Запада, Востока и России (имея в виду ее особенности, отличающиеся от классических западных цивилизаций), а во временном аспекте можно говорить о более или менее развитых их формах и степени зрелости.

Одним из важных средств взаимодействия и взаимопонимания людей выступает язык как “знаковая система любой физической природы, выполняющая познавательную и коммуникативную (общения) функции в процессе человеческой деятельности”¹⁶. В моделях догосударственного и раннегосударственного суда использовался естественный язык, т.е. язык повседневной жизни людей, “служащий формой выражения мыслей и

¹³ См. например: *Фурсов Д.А., Харламова И.В.* Теория правосудия в кратком, трехтомном изложении по гражданским делам. М., Т. 1. Теория и практика организации правосудия. М., 2009.

¹⁴ Там же. С. 12.

¹⁵ *Нерсесянц В.С.* Теория права и государства. М., 2001. С. 57.

¹⁶ См.: *Философский словарь* / Под ред. М.М. Розенталя и П.Ф. Юдина. М., 1963. С. 353.

средством общения”¹⁷. По мере трансформации общинного суда как института защиты прежде всего частного интереса, разрешающего споры и конфликты общинников, восстанавливающего нарушенные и признающего их права, в институт публичной государственной власти, наделенный соответствующей компетенцией, в судебном процессе начал использоваться язык специальный, искусственно создаваемый юристами и законодателями, формальный, обеспечивающий необходимое однозначное понимание языка общения. Степень его специализации в разных правовых системах неодинакова. Наиболее развитым он является в романо-германской и российской правовых системах. Использование его расширяется в момент перехода от казуистичности текста формально-юридического источника к абстрактному изложению норм, т.е. с развитием юридической техники. В России это началось в XVIII в., в ходе реформы законодательства Петра I.

В любом случае язык, понятный для участников в судебном процессе, остается одним из важнейших средств достижения правосудия. Не случайно в моделях суда, считающихся надлежаще организованными, обеспечивается использование официального (государственного) языка либо родного языка национальных меньшинств, либо участие на безвозмездной основе переводчика для лиц, не владеющих официальным языком (см., например, Судебные уставы 1864 г.). Эти правила характерны и для большинства современных процессуальных законов.

Важную роль языку как средству связи между людьми в целом, и в понимании позиции участников общения, в частности, отводил Б.Н. Чичерин. Он отмечал, духовная связь между людьми осуществляется прежде всего с помощью языка, первоначально выражавшего племенное единство. Способность человека изучать и понимать чужие языки расширила “возможность духовного общения всего человеческого рода”, служащего, в свою очередь, “выражением общего разума и источником совокупного развития”¹⁸. Посредством языка как “первого явления духовной жизни в общении людей”, по выражению Б.Н. Чичерина¹⁹, устанавливаются разнообразные социальные связи. Они отличны от физиологических, также свойственных любым биологическим существам наряду с человеком. Духовные отношения, монополия на которые принадлежит последнему, возможны не только для современников, но также для поколе-

ний, отделенных друг от друга временем. Это в полной мере относится и к правовому общению.

Помимо языка как средства общения лиц, участвующих в цивилизованных формах разрешения споров и конфликтов, в частности судебных процедурах, истории правосудия известны и другие системы знаков и символов: ритуалы, поединки, иные формы ордалий, изображения божеств правосудия, их атрибутов: весы, меч, зеркало и т.п. Однако большая их часть осталась в истории, тогда как язык сохранил свое решающее значение. Не случайно устное судоговорение, окончательно вытеснившее письменное производство розыскного процесса, считалось ценным достижением новой организации правосудия, установленной в России Судебными уставами 1864 г.

Духовные связи, дополненные практическими потребностями членов общества, породили необходимость их упорядочения. Между тем, как справедливо замечал Б.Н. Чичерин, “каждое лицо стремится расширить область своей свободы; но, так как все они действуют на общем поприще, то они приходят в непрерывные столкновения друг с другом”. Отсюда необходимость определить, что принадлежит каждому, и установить известные правила для решения споров. Таково происхождение права”²⁰. И суда, добавим мы, поскольку суд осуществляет, в частности, в процессуальной форме функции признания и восстановления нарушенных прав, разрешения конфликтов и т.п.

В продолжение своей мысли Б.Н. Чичерин писал, что право “возникает уже на первоначальных ступенях человеческого общежития и идет, разрастаясь и усложняясь, до самых высших. Право, как взаимное ограничение свободы под общим законом, составляет неотъемлемую принадлежность всех человеческих обществ”²¹. Заметим, что и суд также возникает в эпоху формирования ранних цивилизаций, выступая одним из важнейших факторов последних. Суд, основанный на праве, по определению противостоит произволу и саморасправе, присущим отношениям индивидов в эпоху дикости. Судебные процедуры выступают цивилизованной формой и специфическим видом правового общения участников, или сторон, разумеется, если соблюдается надлежащая организация правосудия. До возникновения государства, в рамках общинного строя, правовое общение сторон в судебном разбирательстве обеспечивается формально равным их статусом. В ранних тра-

¹⁷ Там же.

¹⁸ См.: Чичерин Б.Н. *Философия права*. М., 2010. С. 59.

¹⁹ См.: там же.

²⁰ Там же. С. 60.

²¹ Там же.

диционных государствах такая форма общения в суде до поры сохраняется ввиду санкционирования и продолжения действия обычного права, регламентирующего деятельность соответствующих органов либо должностных лиц, реализующих судебную функцию, во-первых, и преемственности равноправного статуса субъектов, во-вторых. Тем не менее об этом можно говорить лишь в отношении свободных членов общества: лично зависимые либо полностью, либо частично лишены правосубъектности, поэтому самостоятельно в процессе не участвуют.

С развитием социально-экономических и политических отношений в движении государства к сословному его типу²² и появлением социально-экономической иерархии единый правовой статус индивидов, объединенных ранее в этническую (вместе с тем, территориальную) общность, формально равных и свободных, трансформируется в сословный, т.е. дифференцированный, групповой. Формальное равенство членов одного сословия существует в условиях межсословного неравенства, иерархичности статусов представителей разных сословий. Этот фактор определяет и новый тип общения лиц в суде, которое остается правовым лишь в спорах и конфликтах, разрешаемых в процессуальной форме для лиц равного правового статуса, и неправовым в случаях рассмотрения дел между лицами, принадлежащими к разным сословиям. Но и в первом случае правовое общение возможно лишь тогда, когда в процессе преобладающим является частный, а не публичный интерес. В последнем же случае на стороне одного из участников процесса выступает государство со своим легальным императивом, что нарушает принцип формального равенства, без которого общение не может быть правовым.

Не случайно в этот исторический период обвинительно-состязательная форма процесса заменяется инквизиционной, следственной, формально уничтожающей возможность правового общения в суде. Причем такая трансформация характерна как для западной, так и для восточной модели суда соответствующего периода эволюции государства.

В этой связи уместно привести мнение Б.Н. Чичерина: “Судья, когда ему приходится разрешать столкновение двух прав, не спрашивает, чей интерес больше, а чье право лучше. Интерес бедняка в украденной вещи может быть несправ-

ленно больше интереса собственника, но судья все-таки решает, что вещь принадлежит не ему, а собственнику, и вор подвергается наказанию за присвоение чужого добра. Если скажут, по примеру Бентама, что тут примешивается интерес всех других собственников и всего государства, интерес, заключающийся в том, чтобы кражи не оставались безнаказанными и чтобы право собственности сохранилось неизменно, то этот интерес состоит именно в том, чтобы сохранилось право, как нечто отличное от интереса... Есть, однако, случаи, когда право определяется интересом. Это бывает там, где самое лицо является представителем известного интереса”²³. И в указанном выше случае представитель имущего привилегированного сословия является индивидом, обладающим и представляющим общий для него и государства интерес, в частности, соответствующий потребности государства в сохранении установленного законопорядка. Целью судебного процесса становится не достижение истинной правды, а ожидаемый результат, соответствующий интересу государства и его социальной опоры, тогда как “истинная правда, – по мнению Б.Н. Чичерина, состоит в признании за всеми равного человеческого достоинства и свободы, в каких бы условиях человек ни находился и какое бы положение он ни занимал. Это и выражается в равенстве прав, как юридической возможности действовать, которая присваивается лицу, как таковому”²⁴. Однако рассматриваемый случай показывает противоположное – признание формального неравенства субъектов процесса. Это, в свою очередь, влечет и несправедливость как исторически сложившуюся основу инквизиционного судопроизводства в сословном государстве. Отсюда требование суда равных для представителей господствующего привилегированного сословия – в первую очередь и других сословий в последнюю (например, в английской Великой хартии вольностей, в российских Жалованных грамотах дворянству и городам). Причем формальное равенство лежит в основе лишь внутрисословных отношений. Вместе с тем, приведенный пример показывает, что достижению правосудия как результата правового общения участников судебного процесса способствует надлежащее сочетание интересов личности, общества и государства в качестве мотивации их процессуального взаимодействия.

Судоустройство и судопроизводство как две главные составляющие правосудия прошли долгий путь исторического развития в рамках раз-

²² Сословный тип государства исторически сменяет этнический, с точки зрения либертарно-юридической концепции. Об этом подробнее: *Нерсисянц В.С.* Общая теория права и государства. Учеб. для вузов. М., 1999. С. 243, 244.

²³ См.: *Чичерин Б.Н.* Указ. соч. С. 85, 86.

²⁴ Там же.

личных догосударственных и государственных организаций публичной власти. Конечно, развитость их форм достигалась поэтапно, прежде всего в условиях модернизации, обуславливавшей их прогресс. Совершенствование этих институтов (или отраслей) судебного права детерминировалось отчасти и поиском гармоничного сочетания частных, общественных и государственных интересов в установлении юридической истины в целях вынесения законного и справедливого решения по спорному делу или разрешаемому конфликту.

Вместе с тем, проблема соотношения личности, общества и государства остается и сейчас важной и актуальной для юриспруденции в целом²⁵. Особого внимания, как отмечено выше, она заслуживает в связи с задачей обеспечения справедливых решений суда. Пропорциональность интересов указанных субъектов правового общения в политически организованном сообществе индивидов в различные исторические эпохи, в различных цивилизациях неодинакова, однако нахождение надлежащей пропорции необходимо. Характер интересов разнообразен, поэтому разрешить отмеченную проблему в рамках ограниченной в объеме статьи трудно, да автор и не ставит такой задачи. Полагаем необходимым проиллюстрировать один из вариантов ее решения в судостроительстве России эпохи Просвещения.

При этом прямого противопоставления интересов личности, общества и государства в отыскании юридической истины (прямая цель правосудия) допустить нельзя. Вместе с тем применительно к рассматриваемому периоду еще преждевременно применять и такую характеристику, как «паритет прав, свобод и обязанностей отдельного гражданина с правами, свободами и обязанностями «коллективного гражданина»²⁶. Социально-экономические, политические и идеологические условия исторически для этого еще не созрели.

Следует заметить, что проблема соотношения личности и государства как субъектов судебного процесса уже не раз интересовала исследователей. В частности, проф. П.И. Люблинский в своей статье «Суд и права личности», отмечал вечность данной темы, ее перманентность, указывая, что признание за личностью особых прав утверждалось лишь с того момента, когда образовался

орган для их охраны – независимый суд. Только тогда права (и законные интересы) личности получили надлежащий способ охраны, а судебная защита выступила их подлинным гарантом и средством охраны. Он отмечал: «Суд – это барьер, созданный в интересах личной свободы и безопасности»²⁷.

Вместе с тем выполнить это высокое предназначение может лишь суд, надлежащим образом организованный: и институционально (структурно), и функционально, что само по себе нуждается в соответствующих материальных (экономических), социальных, политических, юридических и идеологических гарантиях. Подлинное правосудие возможно лишь при абсолютном совпадении интересов личности и суда (как государственного органа) в отыскании юридической истины. При этом одной из гарантий личности от произвола государства, в данном случае судебного органа, будет участие представителей общественности в его составе. Качество правосудия – показатель уровня правовой зрелости политически организованного сообщества свободных индивидов. Как отмечал один из первых исследователей истории отечественного суда Т.С. Мальгин, «ясное и точное сведение о существовании, образе и качестве судебных мест в государственном правлении есть немаловажная историческая статья, служащая верным знаком... степени благоустройства и благосостояния каждого благоустроенного государства»²⁸.

Интересно в этой связи мнение французского исследователя Н. Рулана о том, что государство в своем историческом развитии приобретало различные «формы». И первой «формой», как полагает Н. Рулан, была «форма» правосудия. «Государство правосудия» согласно логике монархической организации публичной власти выполняло в целях обеспечения её центризма определенные функции, в первую очередь поддержание мира и отправление правосудия, а также обеспечение определенного социального равенства²⁹. Являясь одной из первых функций ранних государств, отправление правосудия и впоследствии оставалось неперменной, обязательной, хотя и отличающейся качественно на разных этапах исторического развития государств функцией.

²⁵ См., например: *Оль П.А., Ромашов Р.А., Тищенко А.Г., Шукишина Е.Г.* Государство, общество, личность: проблемы совместимости / Под общ. ред. Р.А. Ромашова, Н.С. Нижник. М., 2005.

²⁶ *Мамут Л.С.* Государство: полюсы представлений // *Общественные науки и современность*. 1996. № 4. С. 53.

²⁷ *Люблинский П.И.* Суд и права личности // *Суд и права личности*. Сб. ст. / Под ред. Н.В. Давыдова, Н.Н. Полянского. М., 2005. С. 33.

²⁸ *Мальгин Т.С.* Опыт исторического исследования и описания старинных судебных мест Российского государства и о качестве лиц и дел оных. СПб., 1803. С. 1.

²⁹ См.: *Рулан Н.* Историческое введение в право. Учебн. пос. для вузов. М., 2005. С. 290.

Судебная власть (как один из видов государственной власти) в развитой форме осуществляется деятельностью специально уполномоченных на то судебных органов, судей и заседателей, отправляющих правосудие и выполняющих функции, связанные с защитой и обеспечением интересов всех субъектов права, участвующих в процессе и представляющих собой отдельных индивидов, представителей общества и государства.

При этом необходимо учитывать, что общество – это прежде всего совокупность исторически сложившихся форм совместной деятельности людей, а конкретнее – исторический тип социальной системы, определенная форма общественных отношений. Общество – это сложная, эволюционирующая, структурированная система, сущность которой проявляется в разнообразных отношениях, возникающих между индивидами и их объединениями, удовлетворяющими свои потребности за счет поддержания целостного и закономерно прогрессивного саморазвития (применительно к вышеобозначенному сословному типу следует заметить: общество было разделено на сословия, корпорации с различным правовым родовым статусом).

Государство же лишь политический элемент этого социального объединения, а индивид – системообразующий элемент и первого, и последнего. При этом государство (в смысле правовой формы политической организации) социально объединенных индивидов выступает единственным официальным представителем всего общества, призванным выявлять общие потребности и согласовывать значимые интересы отдельных социальных групп, обеспечивая координацию всей общественной жизни и охрану законных интересов, прав и свобод индивидов и их коллективов. Являясь институционально универсальной организацией публичной власти, государство приобретает от общества относительную самостоятельность (в эпоху абсолютизма она максимальна). Этой самостоятельности способствуют противоречия между социальными группами.

В эпоху просвещенного абсолютизма монарх, олицетворяющий государство, в официальной идеологии выступал как “общее благо”, отсюда и показные, декларативные либерально-гуманистические новеллы в политической и правовой системах.

Вместе с тем, единоличное правление монарха “по собственному праву” не дает гарантий правовой законности и справедливости, в том числе в отправлении правосудия. Как точно отметил Л. Фуллер, о несправедливости “беззаконной

неограниченной власти”, выражающей себя исключительно в непредсказуемых и бессистемных вмешательствах в людские дела, можно говорить лишь в том смысле, что она действует не по известным правилам... Достоинство добросовестно построенного и применяемого правового порядка в том и заключается, что он представляет испытующему взгляду общества те правила, которыми он руководствуется в своих действиях”³⁰.

Так, например, судебная политика Екатерины II демонстрировала ее готовность огласить правила организации правосудия, что было ею сделано и в Наказе – декларации прогрессивных начал “законной монархии”, и в Учреждениях для управления губерний, и в Уставе благочиния – законодательных основах судебно-административной, губернской реформы 1775–1780 гг.

Это было ответом общественным ожиданиям, которые впоследствии изложил А.В. Никитенко: “Люди просвещенные не хотят быть управляемы ни произволом, ни случаем: они требуют законов и правосудия”³¹.

Говоря о требованиях законности и справедливости как формальных основаниях реформируемой Екатериной II судебной организации, следует учитывать их реальную возможность гарантировать надлежащее отправление правосудия и охрану правопорядка.

В этой связи уместно привести рассуждение Дж. Ролза: “Давайте также вообразим, что эта концепция справедливости в целом принята в обществе и что институты управляются беспристрастными и последовательными судьями и другими официальными лицами. То есть подобные случаи трактуются подобным образом, существенные подобию и различия идентифицируются по существующим нормам. Правило, определяемое институтом как корректное, выполняется всеми и должным образом интерпретируется властями... Если мы считаем, что справедливость всегда выражает определенный вид равенства, тогда формальная справедливость требует, чтобы законы и институты применялись равно (т.е. одинаковым образом) к представителям классов, определенных ими. ...Формальная справедливость есть приверженность принципу, или, как часто говорят, повиновение системе...”. Однако, продолжает Дж. Ролз, “трактовка подобных случаев подобным образом не является достаточной гарантией реальной справедливости. Все зависит от принципов, согласно которым построена базисная

³⁰ Фуллер Лон Л. Мораль права. М., 2007. С. 189.

³¹ Никитенко А.В. Дневник. Т. 1. С. 236.

структура”³². Рассуждая о допустимости признания возможности законного и справедливого управления обществом, основанным на социальном неравенстве (а следовательно, и принципиальной несправедливости. — *Н.Е.*), Дж. Ролз отмечает: “Нет никакого противоречия в предположении, что рабовладельческое или кастовое общество, или же общество, санкционирующее самые произвольные формы дискриминации, может быть равно и последовательно управляемым, хотя это и маловероятно. Тем не менее, формальная справедливость, или справедливость как правильность (*regularity*), исключает серьезные случаи несправедливости. Если предполагается, что институты разумно справедливы, тогда весьма важно, чтобы власти были беспристрастны, и на них не влияли в рассмотрении конкретных случаев ни личные, ни денежные, ни другие не имеющие отношения к делу обстоятельства. Формальная справедливость в случае институтов законности есть просто аспект правления закона, поддерживающего и гарантирующего допустимые ожидания. Несправедливость — это отсутствие у судей и других властей приверженности надлежащим правилам или интерпретациям при рассмотрении притязаний. Личность несправедлива в той степени, в какой ее характер и наклонности располагают ее к таким действиям”³³.

Приведенное рассуждение Дж. Ролза иллюстрирует (в известной мере) необходимость и имманентность формальной законности и справедливости любой публично-правовой организации, реальная обеспеченность которых обуславливается наличием в ней необходимых объективных и субъективных условий, содержательно характеризующих данную конкретно-историческую модель. К числу субъективных условий относятся, в частности, личные качества судейского корпуса. Так, например, в “Зерцалах правосудия” (1722–1724) устанавливалось: “Судьям надлежит быть честным, совестным и без порочного жития людям и потребное к отправлению судейской должности искусство иметь, понеже наиполезнейшие законы без действия останутся, когда ко отправлению правосудия такие определяются, которые или не знают, или не храня оных ими, как в карты, прибирая масть к масти, играют, и государственные права по незаконным своим прихотям и по страстям несправедливо толкуют”³⁴. Задачу судей и содержание правосудия император определял

так: “Главнейшая всех судей должность по учиненной Нам присяге в том, чтоб всякие государственные дела делать, не стыдясь лица сильных и богатых, избавляя бедных и обидимых от руки несправедного”³⁵.

Требование же строгой подзаконности деятельности суда было выражено и в Наказе Екатерины II: “Власть судейская состоит в одном исполнении законов” (ст. 98)³⁶. Следует отметить, что требования законности и справедливости судебной деятельности свойственны были и другим памятникам права Древнего мира, Средневековья, а впоследствии Нового времени и Новейшего (имеется в виду и действующее законодательство).

Формальное равенство подданных в Наказе Екатерины II означало, что “все подвержены были тем же законам” (ст. 34), однако с учетом того, что сословно-организованное общество не может не признавать “разделения между особами”. Поэтому созданный в ходе екатерининской реформы новый суд основывался на принципе внутрисословного равенства, что являлось определенной гарантией, по выражению О.А. Омельченко, “подзаконного равенства” (ст. 110, 127, 180, 181)³⁷.

При этом не следует преувеличивать достоинств суда рассматриваемой эпохи. Можно согласиться в целом с мнением Р.С. Уортмана, что “главная цель старого суда заключалась в защите власти, интересов и престижа правительственной администрации, а не прав населения”³⁸.

Преобразования в области судостроительства были составной частью тех общих изменений в государственно-правовой системе России второй половины XVIII в., которые знаменовали собой этот особый период в ее истории — просвещенный абсолютизм. Модернизация политико-юридических институтов проводилась с учетом новых идеологических начал, характерных для европейского и российского Просвещения. Их влияние отражало и новый формат государственности, определяемой как “союз философов и государей”.

В русском просветительстве отразились родовые идеалы эпохи: естественного права, отличного от “положительных законов”, общего блага как цели деятельности хорошего монарха, реформаторства, охраны прав личности, свободного

³² Ролз Дж. Теория справедливости. М., 2009. С. 64.

³³ Ролз Дж. Указ. соч. С. 64, 65.

³⁴ РГАДА. Ф. 342. Оп. I. Д. 61. Ч. I. Л. 43 // Цит. по: Омельченко О.А. Власть и Закон в России XVIII в. М., 2004. С. 186.

³⁵ Там же. Л. 393 // Цит. по: Омельченко О.А. Указ. соч. С. 187.

³⁶ Полное собрание законов Российской империи. Собр. I. Т. XVIII. № 12 949. СПб., 1830 (далее — ПСЗ-I).

³⁷ См.: Омельченко О.А. Указ. соч. С. 191.

³⁸ Уортман Р.С. Властители и судии. М., 2004. С. 406.

суда и т.д. Это философское направление не было единым: доктрины содержали как политические идеи, так и проекты социально-экономических и государственно-правовых преобразований, отчасти реализованные российским правительством.

Официальная просветительская доктрина так определяла отношения монарха и правосудия: «Наше главное попечение будет изыскивать все средства к утверждению правосудия в народе, которое есть первое от Бога Нам преданное святым его Писанием повеление...»³⁹. Можно согласиться с мнением О.А. Омельченко: «Именно в правительственных мерах по реформе суда и судебного права ранее иных сфер государственной жизни можно предположить проявление черт просвещенного абсолютизма»⁴⁰.

Правительство Екатерины II осознавало при этом кризисное состояние действовавшей до реформы судебной системы. Проведенные последовательно ею в последней четверти XVIII в. преобразования создали новую систему управления и суда, которая оказалась долговременной, в большей мере соответствовавшей интересам российского общества и государства. Одним из факторов, ускоривших проведение административно-судебной реформы, стала Крестьянская война 1773–1775 гг. под предводительством Е.И. Пугачева, которая показала неспособность существовавшего местного правительственного аппарата обеспечить общественный и правовой порядок.

³⁹ Именной указ 18 июля 1762 г. // ПСЗ-І.Т. XVI. № 11 616.

⁴⁰ Омельченко О.А. Власть и закон в России XVIII века. М., 2004. С. 180.

Непосредственным ответом на нее правительства Екатерины II стало усиление государственного аппарата (в особенности на местах) путем издания и введения в действие Учреждений для управления губерний – крупного акта, специально посвященного местному управлению. В Учреждениях подробно регламентировались организация местных органов управления и суда, их компетенция и функции.

Вслед за Петром I Екатерина II делает вторую, более удачную попытку отделения судебных органов от административных на местном уровне (губерния – уезд – город). Вместе с тем суды получают сословную организацию, что в большей мере обеспечивает внутрисословное формальное равенство. Однако эти процессуальные привилегии остаются недоступными для крепостных крестьян, составлявших подавляющее число населения империи. Тем не менее, более прогрессивная судебная система создавала в определенной степени условия для внедрения в судебную деятельность начал правосудия. Однако отсутствие индивидуальной свободы, несправедливость, причем формальная, вследствие сохранения сословного неравенства оставались серьезным тормозом в этом процессе.

Но, тем не менее, модернизация судостроительства способствовала повышению уровня правосудия и, соответственно, правового общения. Вместе с тем, архаичский, негуманный (даже по форме) судебный процесс, неразвитое материальное право, социально-экономическая и политическая отсталость России тормозили этот процесс и требовали реформ, которые были проведены через несколько десятилетий.